

БОБЭОБИ

АНТОН БАТАГОВ

ВОКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ N'CAGED

АСЯ СОРШНЕВА

ОЛЬГА ДЁМИНА

КОНСТАНТИН ЕФИМОВ

ДМИТРИЙ ШУМИЛОВ

АБ

N'CAGED VOCAL ENSEMBLE

ASYA SORSHNEVA

OLGA DEMINA

KONSTANTIN EFIMOV

DMITRI SHUMILOV

AB

ANTON BATAGOV

BOVEOBI

АНТОН ВОВЕОВІАНТОН БОБЭОБІАН БАТАГОВ БОБЭОБІВАТАГОВ ВОВЕО

Памяти Дмитрия Покровского

To the memory of Dmitri Pokrovsky

Антон Батагов
БОБЭОБІ

Anton Batagov
BOBEOBİ

Время звучания: 49:38

Playing time: 49:38

Вокальный ансамбль N'Caged:
Арина Зверева
Ольга Россини
Сергей Малинин
Илья Лаптев

N'Caged vocal ensemble:
Arina Zvereva
Olga Rossini
Sergei Malinin
Ilya Laptev

Ася Соршнева *скрипка / альт*
Ольга Дёмина *виолончель*
Константин Ефимов *флейты*
Дмитрий Шумилов *бас-гитара*
Антон Батагов *рояль, кухонная посуда*

Asya Sorshneva *violin / viola*
Olga Demina *cello*
Konstantin Efimov *flutes*
Dmitri Shumilov *bass guitar*
Anton Batagov *piano, cookware objects*

Музыка: Антон Батагов, 1994
Стихотворение: Велимир Хлебников, 1908
Запись: Руслан Зайпольд, студия Своды, 2024
Монтаж, сведение, мастеринг: АБ, 2024/25

Music composed by Anton Batagov, 1994
Poem written by Velimir Khlebnikov, 1908
Recorded by Ruslan Zaipold at The Vaults Studio, 2024
Edited, mixed and mastered by AB, 2024/25

АНТОН ВОВЕОВІАНТОН БОБЭОБІАН БАТАГОВ БОБЭОБІВАТАГОВ ВОВЕО

АНТОН БАТАГОВ ИСТОРИЯ «БОБЭОБИ»

Эта музыка написана в 1994 году.

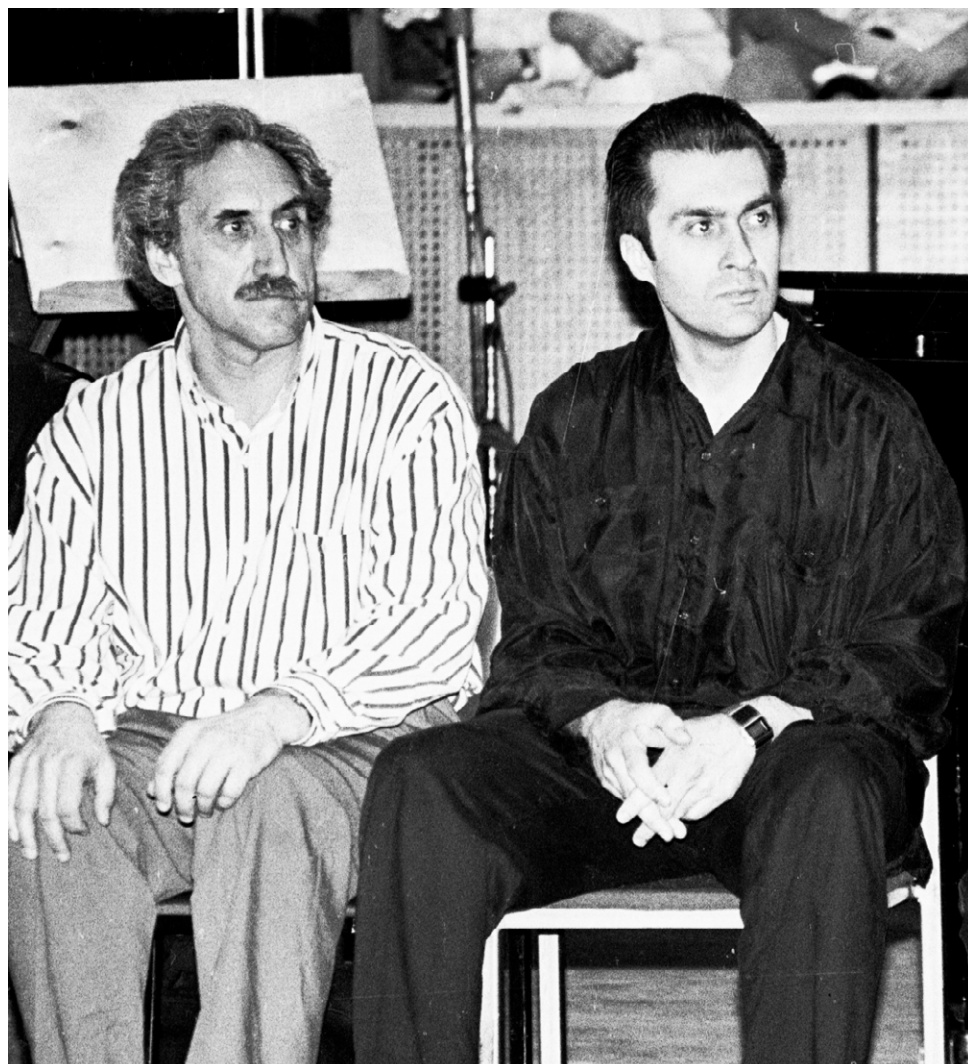
Прежде чем вы будете слушать запись, я хотел бы кое-что рассказать.

Я написал «Бобэоби» для ансамбля Дмитрия Покровского. Встреча с этим гениальным человеком — важнейшее и ни с чем не сравнимое событие в моей жизни. Мы познакомились в конце 1992 года. Он был старше меня на 22 года, но так получилось, что мы стали настоящими друзьями.

Благодаря ему я открыл для себя мир народной песни, и он указал мне именно ту дверь в этот мир, через которую я вошёл туда абсолютно естественным для себя образом — а иначе бы я, весьма вероятно, просто не смог найти, где вход. Я понял, что, во-первых, эти песни современнее, чем любая современная музыка. Во-вторых, — это ещё более радикальный «минимализм», чем так называемый минимализм. В-третьих, (и это самое главное) — там всё настоящее, невыдуманное. Это музыка, которая возникает не из той или иной техники композиции, не из умозрительных концепций и не из системы философских координат, а как проявление жизни в гармонии с Землёй и Небом. Там нет страха смерти, потому что деревенские люди, проживая условные вехи своего земного пребывания, на самом деле живут в том измерении, где для смерти нет места. Это слышно в каждой ноте. В композиторской музыке это тоже встречается, но сила и правда народной музыки просто не может проявиться ни в каком другом «формате» творчества.

Но самое интересное, что Покровский занялся народными песнями и создал свой легендарный ансамбль совершенно неожиданно. Вообще его интересовала авангардная музыка. А она в СССР была запрещена. И однажды он поехал в фольклорную экспедицию и услышал настоящие деревенские песни. И это было как «эврика». В те времена эти песни нигде не звучали — только в их естественной среде, то есть в деревнях. Всё то, что преподносилось в исполнении государственных коллективов как «фольклор», было причёсанным и кастрированным, и не имело никакого отношения к подлинной традиции. Научиться у деревенских людей петь именно так, как поют они, и выйти с этим на сцену — это был вызов музыкальному официозу. Ведь никто на самом деле

АНТОН ВОВЕОВ | ANTON BOBZOBIAN БАТАГОВ БОБЗОБИВ | BATAGOV VOVEO

Антон Батагов и Дмитрий Покровский на фестивале «Альтернатива». Фото из личного архива Антона Батагова
Anton Batagov and Dmitri Pokrovsky at Alternativa festival. Image from Anton Batagov's personal archive

не слышал такой музыки, такой манеры пения и игры. Она звучала ещё «новее», чем «авангард». А драйва и свободы в ней даже больше, чем в роке. Именно свобода в СССР и была запрещена в любых формах, но в данном случае попробуйте запретить: вы что, хотите запретить русские народные песни?

Это был нокаут.

Вообще Покровский был воплощением свободы. Он был человеком, который никогда не ездил по рельсам правил и шаблонов и никогда не подчинялся указаниям «сверху». Его ансамбль стал не просто «суперуспешным коллективом». Их выступления передавали людям заряд истинной свободы и внутренней силы.

Настали горбачёвские времена, и ансамбль начал гастролировать на Западе. И, само собой, — сенсация и триумф. Но не будем забывать, что к народным песням Покровский пришёл через современную музыку. Поэтому неудивительно, что сразу возникло сотрудничество с такими артистами, как Пол Уинтер и Питер Гэбриел, а также с некоторыми ведущими композиторами-авангардистами. В начале 90-х ансамбль Покровского записал уникальный альбом: «Свадебку» Стравинского, где певцы поют вокальные партии, а партии четырёх роялей и ударных играют четыре MIDI-рояля Yamaha Disklavier и сэмплерный модуль Emulator, и всё это управляется компьютером Macintosh. Покровский обожал всю эту технику. На этом альбоме рядом со «Свадебкой» — песни, которые стали для Стравинского «строительным материалом». Альбом вышел в Америке на рекорд-лейбле *Nonesuch*. Разумеется, это был колоссальный успех.

И вот, когда мы с Дмитрием познакомились, он дал мне послушать эту запись и сказал: «Напишите для нас вещь». И признался, что планирует практически перестать петь народные песни и заниматься новой музыкой. И хотел бы, чтобы композиторы писали для его ансамбля такую музыку, которая была бы основана на фольклоре, но не так, как это было в советские времена, а продолжала бы подход Стравинского. А ещё он должен был в 1996 году начать читать курс истории русского авангарда в Дартмутском колледже.

АНТОН ВОВЕОВ | ANTON BOBZOBIAN БАТАГОВ БОБЗОБИВАТАГОВ ВОВЕО

Я написал вещь для ансамбля Покровского. Он посмотрел ноты и сказал: «Ну вот, это будет наш следующий хит». И начал договариваться с *Nonesuch*.

Но этому не суждено было произойти. «Бобзоби» исполнили только один раз: в Москве на фестивале «Альтернатива» в 1995 году. Голоса — живьём, а все инструменты — сэмплерная электроника.

29 июня 1996 года Покровский пришёл ко мне в гости и умер от разрыва аорты.

Ему стало плохо по дороге от метро. Он еле дошёл. Я вызвал скорую. Она ехала слишком долго.

Ему было 52 года.

Ансамбль Покровского продолжил существовать без него, но разделился на два ансамбля.

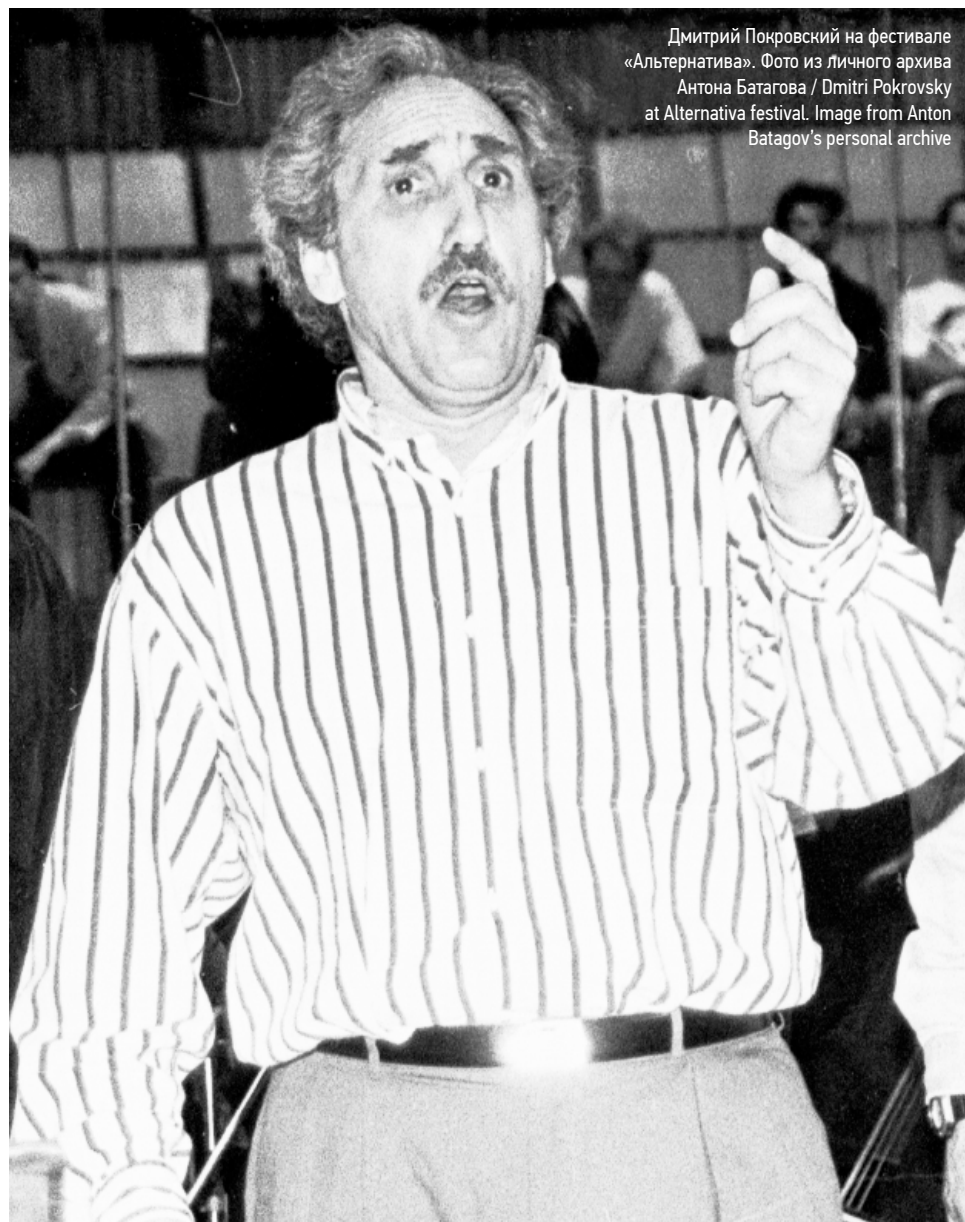
Сначала я думал, что всё-таки можно будет записать мою вещь. Но потом понял, что нельзя. То есть, конечно, всё в каком-то смысле возможно, но, при всём моём уважении ко всем участникам, я не смог бы это сделать без Дмитрия.

Ноты лежали на полке, а я ждал момента, когда сложится та конфигурация, которая позволит записать и издать эту музыку. И она сложилась через 30 лет.

Исполнители — потрясающий вокальный ансамбль *N'Caged*, с которым я за последние 10 лет осуществил несколько проектов, и не менее потрясающие музыканты-инструменталисты — тоже мои друзья и соратники: Ася Соршнева, Ольга Дёмина, Константин Ефимов, Дмитрий Шумилов. Никаких виртуальных инструментов, всё живьём. Ну а я, как нетрудно догадаться, играю на рояле, а также на кастрюлях и других полезных в хозяйстве предметах. За возможность всё это осуществить — спасибо фирме «Мелодия», с которой меня связывают многие годы сотрудничества и абсолютного творческого взаимопонимания.

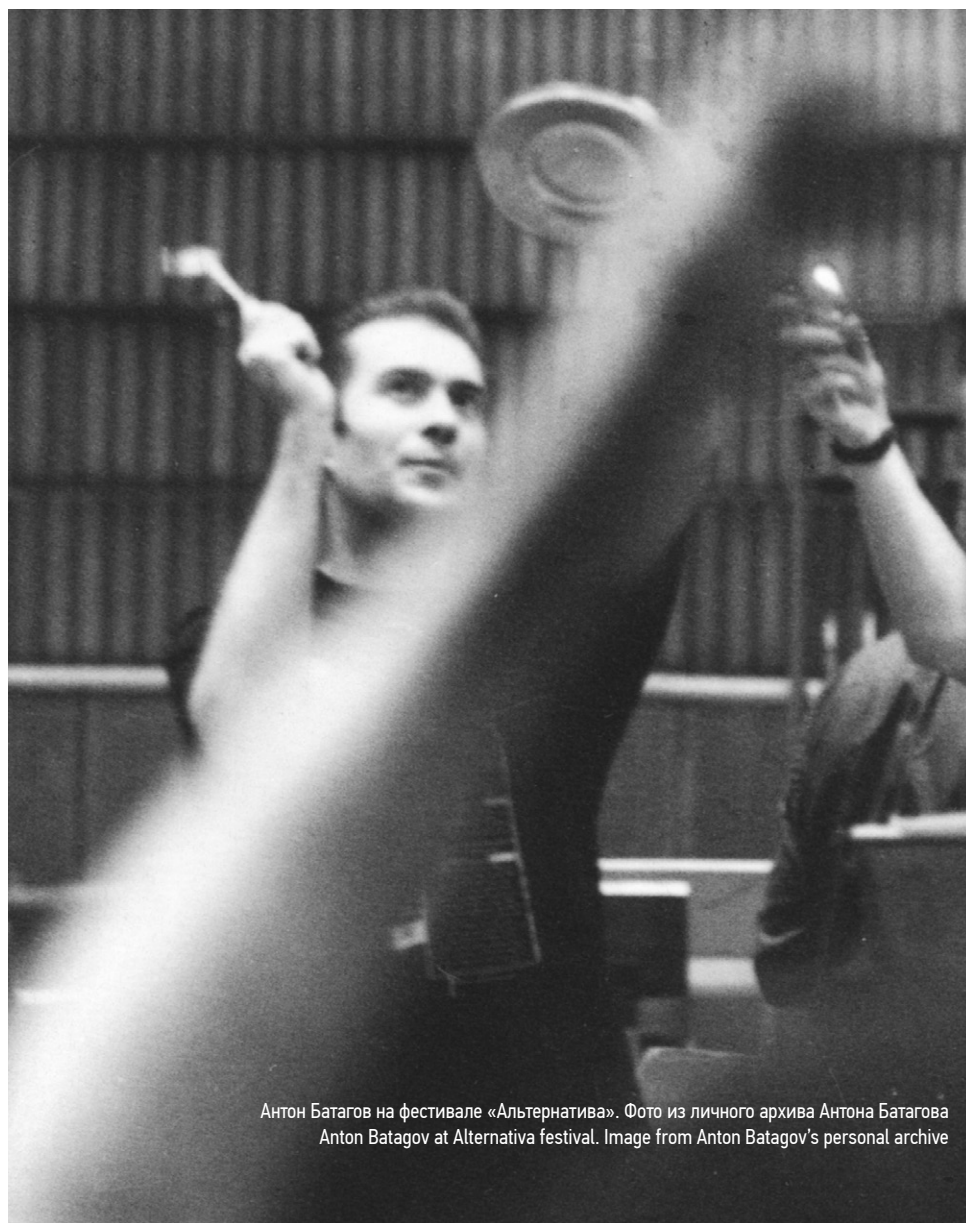
А теперь — о музыке.

Это 50-минутная вещь. Она не делится на части.

Дмитрий Покровский на фестивале «Альтернатива». Фото из личного архива Антона Батагова / Dmitri Pokrovsky at Alternativa festival. Image from Anton Batagov's personal archive

АНТОН ВОВЕОВІАНТОН БОБЭОВІАН БАТАГОВ БОБЭОВІАТАГОВ ВОВЕОВ

Антон Батагов на фестивале «Альтернатива». Фото из личного архива Антона Батагова
Anton Batagov at Alternativa festival. Image from Anton Batagov's personal archive

Собственно, о музыке-то рассказывать нечего, а вот о тексте — необходимо.

Текст — знаменитое стихотворение Велимира Хлебникова, написанное в 1908 году.

Хлебников — даже не то что мой самый любимый поэт. Есть любимые поэты, а есть Хлебников. Я почувствовал это довольно рано, в 20 с небольшим лет. И чем старше я становлюсь, тем сильнее впечатляет меня масштаб и глубина его гения. Когда я выбрал его стихотворение, чтобы написать эту музыку, мне было 28. Это произошло как-то само собой, без раздумий. И уже значительно позже, когда буддийское миропонимание стало для меня основой всей моей жизни, до меня дошло, что Хлебников, изобретая «странные» слова / слоги и вплетая их в русский язык, фактически делал то, что давно существовало в индуистской и буддийской традициях: это не что иное, как мантры. Мантра — это такой набор звуков и слогов, который невозможно перевести ни на какой язык, но мастера, умеющие видеть и знать то, что недоступно нам, обычным людям, передают нам это знание именно в такой форме. Такие люди живут и практикуют в фарватере традиции и получают прямую передачу от своего учителя. Всё, что требует расшифровки, они объясняют в точности так, как им самим объяснил это учитель. Но иногда (очень и очень редко) это делают те, кто живёт в совершенно ином контексте. Их никто этому не учил и ничего им не передавал. Знание о том, как устроен мир, эти люди просто несут в себе, причём именно в тех образах и формулировках, которые существуют в древних традициях. Это происходит «неизвестным науке способом». В последние десятилетия в мире появилось огромное количество шарлатанов, псевдо-гуру. Кто угодно может скомпилировать что угодно из любых общедоступных источников и притвориться «Учителем». Но в начале XX века ничего этого не было. Хлебников — действительно уникален. Не только как гениальный поэт, но и как носитель абсолютного знания о мире. Его слова можно сравнить с текстами, написанными сотни и тысячи лет назад. Он нигде не мог их прочитать. Даже если бы и мог, их невозможно понять без разъяснений. Он просто взял и написал это сам.

В этом стихотворении — всего пять строчек плюс ещё две. И в них — вся картина мира, принцип мироустройства, сформулированный так, как это объясняет буддийская философия.

Никто и ничто не существует как целое, как самостоятельная сущность.

АНТОНВОВЕОВІАНТОНБОБЭОБІАН БАТАГОВБОБЭОБІВАТАГОВВОВЕО

Мир и все существа в этом мире — сеть взаимозависимых проявлений.

Они складываются в узор, который воспринимается как реальность. Мы сами — такой же узор. Он кажется реальным, потому что в нём что-то чему-то соответствует, что-то на что-то похоже, и даже можно что-то описать какими-то обычными словами. Но на самом деле мы живём не в этих координатах, ограниченных протяжённостью отрезка между рождением и смертью, а вне времени, вне условностей, названий, ограничений.

Мы живём там всегда. И там мы свободны.

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лизээй пелся облик,
Гзи-гзи-гээо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Ансамбль N'Caged. Фото: Владимир Яроцкий
N'Caged ensemble. Photo by Vladimir Yarotsky

АНТОНОВОВЕОВІАНТОНБОВБОВІАН БАТАГОВБОВБОВІВБАТАГОВВОВЕОВ

Ася Соршнева. Фото: Андрей Чунтомов / Дягилевский фестиваль
Asya Sorshneva. Photo by Andrey Chuntomov / Diaghilev festival

Ольга Дёмина. Фото: Данил Головкин
Olga Demina. Photo by Danil Golovkin

АНТОН ВОВЕОВІАНТОН БОБЭОБІАН БАТАГОВ БОБЭОБІВАТАГОВ ВОВЕО

Константин Ефимов. Фото: Анна Бобрик
Konstantin Efimov. Photo by Anna Bobrik

Дмитрий Шумилов. Фото: Владимир Лаврищев
Dmitri Shumilov. Photo by Vladimir Lavrishchev

АНТОН ВОБЕОВІ ANTON BOBEVBI AH БАТАГОВ БОБЭОВІ BATAGOV BOBEVBI

ANTON BATAGOV THE BOBEVBI STORY

This music was written in 1994.

Now I'd like to tell you something before you listen to this recording.

I wrote *Bobeobi* (pronounced as *Bo-beh-oh-bee*) for The Dmitri Pokrovsky Ensemble. Meeting this unique person was one of the most important events of my life. We met in late 1992. He was 22 years older than me, but it so happened that we became friends.

Thanks to him, I discovered the world of folk songs, and he showed me exactly the door to that world through which I entered it in a completely natural way — otherwise I would very likely have simply not been able to find where the entrance was. I realized that, first of all, these songs were more contemporary than any contemporary music. Secondly, this was a “minimalism” even more radical than so-called minimalism. Thirdly (and this is the most important thing), everything there was real, not made up. This is the kind of music that emerges neither from compositional techniques nor from speculative concepts and systems of philosophical coordinates, but as a manifestation of life in harmony with Earth and Heavens. There is no fear of death in these songs, because village people who seem to be living through the conventional milestones of their earthly existence actually live in a dimension where there is no place for death. This can be heard in every note. Sometimes this can also be experienced in music written by composers, but the power and truth of folk music simply cannot manifest itself in any other “format” of art.

The most interesting fact is that Pokrovsky became deeply interested in folk songs and created his legendary ensemble quite unexpectedly. In general, he was interested in avant-garde music. In the USSR, it was forbidden. One day he went on a folklore expedition and heard original village songs. And it was like a eureka moment. In those days, these songs were not heard anywhere — only in their natural environment, that is, in villages. Everything that was presented as “folklore” performed by official folk music ensembles was combed and neutered, and had nothing to do with genuine tradition. To learn from the village people to sing exactly as they do and to go on stage with it was a brave and unexpected attack on the Soviet official culture. No one had actually heard this type of music and this manner of

АНТОН ВОВЕОВІАНТОН БОБЭОВІАН БАТАГОВ БОБЭОВІАТАГОВ ВОВЕОВ

singing and playing. It sounded even more unconventional than the “avant-garde”. These songs had even more energy and freedom than rock music. It was freedom that was banned in any form in the USSR, but in this case, try to ban it: do you want to ban Russian folk songs?

It was a knockout.

Pokrovsky was the embodiment of freedom. He was a person who never rode the tracks of rules and templates and never obeyed instructions from “above”. His ensemble became not just a “super-successful collective”. Their performances gave people a charge of true freedom and inner strength.

The Gorbachev era came, and the ensemble began to tour the West. Of course, it was a sensation and a triumph. But let’s not forget that Pokrovsky came to folk songs through contemporary music. So it was not surprising that the ensemble immediately engaged in collaborations with such artists as Paul Winter and Peter Gabriel, as well as some leading avant-garde composers.

In the early 90’s, the Pokrovsky Ensemble recorded a unique album: Stravinsky’s *Les Noces*. The singers performed vocal parts, and the parts of four pianos and percussion were played by four Yamaha Disklavier MIDI pianos and an Emulator sampling module, all controlled by a Macintosh computer. Pokrovsky loved all this technology. On this album, *Les Noces* is surrounded with songs that became Stravinsky’s “building material”. The album was released in the U.S. on *Nonesuch* record label. Of course, it was a great success.

When Dmitri and I met, he played this recording for me and said: “Write a composition for us”. And he confessed that he was planning to practically stop singing folk songs and switch to contemporary music. And he would like composers to write music for his ensemble that would be based on folklore not the way it was in Soviet times, but would continue Stravinsky’s approach. Also, he was scheduled to begin teaching a course on the history of Russian avant-garde at Dartmouth College in 1996.

I wrote a piece for the Pokrovsky Ensemble. He examined the score and said: “Well, this will be our next hit”. And he started to discuss this project with *Nonesuch*.

But it was not destined to happen. *Bobebi* was performed only once: in Moscow at the *Alternativa* festival in 1995. Live voices were accompanied by sampling electronics playing all the instrumental parts.

On June 29, 1996, Dmitri came to visit me and died of a ruptured aorta.

He felt sick on the way from the subway station. He could barely walk. I called an ambulance. It took too long.

He was 52 years old.

The Pokrovsky Ensemble continued to exist without him, but split into two ensembles.

At first I thought it would still be possible to record my piece. But then I realized I couldn’t. I mean, of course, everything is possible in some sense, but, with all my respect for all the musicians, I would not be able to do it without Dmitri.

The score was lying on the shelf, and I was waiting for the moment when the configuration that would allow me to record and release this music would take shape. And it happened 30 years later. The performers are the unique vocal ensemble *N’Caged*, with whom I have collaborated on several projects over the last 10 years, and no less unique musicians-instrumentalists — also my friends and collaborators: Asya Sorshneva, Olga Demina, Konstantin Efimov, Dmitri Shumilov. No virtual instruments, everything’s live. As it is easy to guess, I play the piano, as well as pots and some other cookware objects. For the opportunity to bring all this to life — thanks to *Melodiya* record label with which I’ve had many years of creative cooperation and absolute mutual understanding.

And now about the music.

It’s a 50-minute one-movement composition.

Actually, there is nothing to say about the music, but about the text — it is necessary.

The text is a famous poem by Velimir Khlebnikov written in 1908.

Khlebnikov is much more than my favorite poet. There are favorite poets, and then there is Khlebnikov. I felt this pretty early, in my early twenties. And the older I get, the more the scale and depth of his genius impresses me. When I chose his poem to write this music, I was 28. It happened

АНТОН ВО ВЕО ВІАНТОН БО БЭЗО БІАН БАТА ГОВ БО БЭЗО БІВАТА ГОВ ВО ВЕО

somehow by itself, without a second thought. And much later, when the Buddhist worldview became the basis of my entire life, I realized that when Khlebnikov was inventing “strange” words/ syllables and weaving them into the Russian language, he was actually doing what had long existed in the Hindu and Buddhist traditions: they were nothing but mantras. A mantra is a set of sounds and syllables that cannot be translated into any language. Masters who are able to see and know what is inaccessible to us, ordinary people, transmit this knowledge to us in this form. Such people usually live and practice in the fairway of their traditions and receive direct transmission from their gurus. They explain everything that requires explanation exactly as their guru explained it to them. But sometimes (very, very rarely) it can be done by someone who lives in a completely different context. No one has taught them this knowledge, and no guru-to-disciple transmission has been received. These people simply carry the knowledge of how the world works within themselves. This knowledge is shaped in exactly the same images and formulations that exist in ancient traditions. This happens “in a way unknown to science”. In recent decades, a huge number of charlatans and pseudo-gurus have appeared in the world. Anyone can compile anything from any publicly available sources and pretend to be a “guru”. But at the beginning of the twentieth century there was none of that. Khlebnikov is truly unique. Not only as a poetry genius, but also as a bearer of absolute knowledge about the world. His words can be compared to texts written hundreds and thousands of years ago. He could not read them anywhere. Even if he could, they cannot be understood without explanation. He just wrote it himself.

There are only five lines in this poem, plus two more. In them is the whole picture of the world, the principle of functioning formulated exactly as Buddhist philosophy explains it.

No one and nothing exists as an independent entity.

The world and all beings are a network of interdependent manifestations. They form a pattern that is perceived as reality. We ourselves are the same pattern. It seems to be real because something corresponds to something, something resembles something, and we can even describe something with some ordinary words. But in reality we live not in these coordinates limited by the length of the interval between birth and death, but outside of time, conventions, names, limitations.

We live there always. And there we are free.

Bo-beh-óh-bee sang the lips,
Veh-eh-óh-mee sang the glances,
Pee-eh-éh-oh sang the eyebrows,
Lee-eh-éh-ay sang the look,
Gzee-gzee-gzéh-oh sang the chain.
Thus on a canvas of some correlations
Beyond all dimensions there lived the Face.

МУЗЫКА: АНТОН БАТАГОВ, 1994	MUSIC COMPOSED BY ANTON BATAGOV, 1994
СТИХОТВОРЕНИЕ: ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ, 1908	POEM WRITTEN BY VELIMIR KHLEBNIKOV, 1908
ЗАПИСЬ: РУСЛАН ЗАЙПОЛЬД, СТУДИЯ СВОДЫ, 2024	RECORDED BY RUSLAN ZAIPOLD AT THE VAULTS STUDIO, 2024
МОНТАЖ, СВЕДЕНИЕ, МАСТЕРИНГ: АБ, 2024/25	EDITED, MIXED AND MASTERED BY AB, 2024/25
ДИЗАЙН: ГРИГОРИЙ ЖУКОВ	DESIGN BY GRIGORY ZHUKOV
РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА: КАРИНА АБРАМЯН	LABEL MANAGER: KARINA ABRAMYAN
МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА: МАРИНА БЕЗРУКОВА	PROJECT MANAGER: MARINA BEZRUKOVA
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР: НАТАЛЬЯ СТОРЧАК	EXECUTIVE EDITOR: NATALIA STORCHAK
КОРРЕКТОРЫ: ОЛЬГА ПАРАНИЧЕВА, МАРГАРИТА КРУГЛОВА	PROOFREADERS: OLGA PARANICHEVA, MARGARITA KRUGLOVA
ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ: ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ, АЛЛА КОСТРЮКОВА	DIGITAL RELEASE: DMITRY MASLYAKOV, ALLA KOSTRYUKOVA

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ КАРИНЕ АБРАМЯН SPECIAL THANKS TO KARINA ABRAMYAN

MEL CO 1518

© & © А. А. БАТАГОВ, 2025
© АО «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 2025. 127055, Г. МОСКВА, УЛ. НОВОСЛОБОДСКАЯ, Д. 73, СТР. 1, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORISED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «FIRMA MELODIYA», NOVOSLOBODSKAYA STREET 73, BUILDING 1, MOSCOW, 127005, RUSSIA, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORISED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

/FIRMAMELODIYA

WWW.MELODY.SU